

Цена годовому изданию 6 руб. сер. въ Москвѣ и Петербургѣ, за пересылку 2 руб. сер. Выслать по суботамъ отъ 1—4 мѣста.

ВѢСТНИКЪ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

МОСКОВСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ИСЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ.

Подписка принимается у книгопродавцевъ: въ Москвѣ: Хрусталева, Балунова, Ратькова, Уланова, Араль, Дейнера; Рязань, Урюбинъ; въ Петербургѣ: у Балунова и Ратькова.

1854.

Москва, 19-го Юня.

№ 25.

СОДЕРЖАНІЕ: Жирафа. (Съ табл.) — Гусиное яйцо. (Продол.) — Слизь.

ЖИРАФА¹⁾.

(Съ таблицей, № 15).

Изъ всѣхъ отрядовъ зѣбрѣй, отрядъ *жвачныхъ* болѣе всѣхъ распространенъ по лицу земли и болѣе всѣхъ полезенъ человѣку. Что дѣлать Лопарю безъ сѣвернаго оленя? Что дѣлать въ Сахарѣ безъ верблюда? Какъ не благодарить Бога Малороссѣ за вола, Киргизу за овцу, Американцу за ламу? Не имѣли бы мы превосходныхъ тканей, одного изъ главныхъ произведеній востока, безъ Камеширской козы. Во всѣхъ частяхъ свѣта, исключая Полинезіи²⁾, есть жвачныя, вездѣ они полезны человѣку: онѣ и питаютъ его, и одѣваютъ, или онѣ воздѣлываютъ землю и перевозятъ тяжести. Вкусное мясо, молоко, масло, сыръ, шерсть, кожу, рога, — все это даютъ жвачныя зѣбры. За весьма немногими исключеніями, жвачныя сдѣлались домашними животными, и пророкъ—законодатель называетъ чистымъ *всякъ скотъ на двѣ оныя пѣяности, и копыта на двѣ копыта, и отрыпанъ жваніе въ скотѣхъ.* (Втор. гл. XIV ст. 6).

Но объ одномъ жвачномъ зѣбрѣ вотъ что говоритъ Бюффонъ: «будучи животнымъ безвреднымъ, оно въ то же время и самое бесполезное животное.» Это животное и есть *Жирафа*. Справедливъ ли Бюффонъ—увидимъ послѣ; но скажемъ, что Жирафа имѣетъ организацию совершенно приспособленную къ той мѣстности и средѣ, въ которыхъ она живетъ, и что этотъ зѣбрь служитъ однимъ изъ многихъ тысячъ доказательствъ

того, что географическое распространеніе животныхъ не есть произвольное, не есть случайное, а, напротивъ, строго причинное явленіе.

Къ югу отъ экватора лежащая часть Африки, или высокая Африка, есть плоская возвышенность, имѣющая степной характеръ: Высокую Африку въ ботаническомъ отношеніи характеризуютъ саванны и мимозы, въ зоологическомъ обиліе жвачныхъ и твердокожныхъ зѣбрѣй. Нѣтъ тамъ густыхъ лѣсовъ и нѣтъ оленей, за то огромное количество антилопъ; обширныя пространства, поросшія прибрежными тростниками, населены бегемотами; въ рѣчкахъ, по густолиственныхъ лѣсахъ, живутъ слоны; въ болотистыхъ низменностяхъ, обильныхъ колючими растеніями, ходятъ уродливыя двуногіе носороги; въ степяхъ пасутся многочисленныя стада полосатыхъ лошадей; наконецъ, въ песчаныхъ мѣстностяхъ, бѣдныхъ травами, но на которыхъ растутъ высокія мимозы (*Acacia garralae*, *Mimosa nilotica*) бѣгаютъ долгоногія Жирафы.

Все оригинально въ этомъ зѣбрѣ, начиная съ историческаго свѣдѣній объ немъ.

Знали Жирафу древніе, сомнѣвались въ ея существованіи средневѣковыя ученые, и только въ новѣйшее время исторія этого животного, благодаря трудамъ неутомимыхъ путешественниковъ, разъяснилась и освободилась отъ множества сказокъ и невѣрностей.

На многихъ Египетскихъ памятникахъ, такъ напр. на *Гифоніяхъ*, храмахъ посвященныхъ генію зла, *Гифону*, изваяны Жирафы; рисунки съ этихъ памятниковъ представлены въ огромномъ трудѣ Египетской экспедиціи и въ сочиненіяхъ Росселина и Эрзенберга.

На мозаикъ Палестрины, этомъ странномъ памятникѣ Римскаго искусства, на которомъ изображено столько животныхъ Верхняго Египта, также находится изображенія Жирафъ.

¹⁾ *Camelopardalis Giraffa L.*

²⁾ Но иль тамъ поселены разводитъ.

Римляне видали живыхъ Жирафъ въ своихъ циркахъ. Цезарь за 45 л. до Р. Х. показалъ Жираффу страстному до зрѣлицъ народу. Съ этого времени Жираффы иногда появлялись въ Европѣ. Филиппъ, наслѣдникъ Гордіана III, показалъ разомъ десятокъ этихъ звѣрей. Жираффы участвовали также въ триумфѣ Аврелиана, въ 274 году.

Изъ Европейцевъ Агатархидъ первый описалъ Жираффу подъ именемъ верблюда-барса (*camelopardalis*), намекая этимъ названіемъ на жвачку, длинныя ноги и пеструю шерсть Жираффы. Надобно признаться, что описаніе его довольно вѣрно. Плиніи, Оппіанъ и Геліодоръ также упоминаютъ объ этомъ звѣрѣ.

Съ тѣхъ поръ совсѣмъ не упоминалось объ Жираффахъ до конца среднихъ вѣковъ, т. е. до того времени, пока германскій императоръ Фридерикъ II и Лаврентій Медичи не получили этихъ животныхъ въ даръ отъ Египетскихъ властителей. Первую описалъ Албертъ Великій.

Нѣсколько путешественниковъ естествоиспытателей видѣли Жирафъ въ Каирѣ, во время эпохи возрожденія наукъ. Такъ Белонъ и Гиліусъ издали описаніе этого звѣря, и приложили довольно вѣрный по времени рисунокъ.

Бюффонъ не зналъ Жираффы и по этому описаніе его во многомъ невѣрно.

За то теперь, послѣ путешествій Левальяна, Рюппеля, Хариса, Лихтенштейна и др., послѣ Жирафъ жившихъ въ Парижѣ, и даже плодившихся въ Лондонѣ, послѣ изысканій Бленвиля и Ричарда Оуена, мы можемъ сказать, что знаемъ это животное.

Постараемся описать наружный видъ Жираффы. Ростъ ея достигаетъ 18 до 20 Парижскихъ футовъ (слиш. 8 арш.) Рюппель убилъ очень молодую Жираффу, и въ ней было отъ верхушки роговъ до копытъ 15 рейнск. фут. т. е. слишкомъ $7\frac{1}{2}$ аршинъ.

Туловище, соразмѣрно съ вышиной, короткое, сильно наклонено назадъ.

Шея очень длинная. У Жираффы, убитой Лихтенштейномъ, имѣвшей всего 13 ф. вышины, шея была въ 5 ф. Замѣчательно, что, несмотря на такую длину шеи, скелетъ ея состоитъ изъ 7 позвонковъ, какъ и у всѣхъ (за исключеніемъ только двухъ) звѣрей.

Голова, если бы не была слишкомъ заострена, была бы красива; рыла т. е. голаго пространства между ноздрями, Жираффа не имѣетъ.

На лбу у Жираффы находятся два небольшіе рога, состоящіе изъ придатковъ лобной кости, въ зрѣломъ возрастѣ совершенно съ нею спаивающихся. Посреди лба находится еще третье возвышеніе¹⁾, болѣе ши-

¹⁾ На приложенной таблицѣ, вѣрной копій съ рисунка, снятаго

рокое, но короче тѣхъ двухъ. Всѣ три рога совершенно покрыты кожей и шерстью.

Переднія ноги гораздо длиннѣе заднихъ: онѣ такой же длины какъ шея. Ноги окончиваются двумя пальцами, облеченными въ копыта; слѣд. Жираффа имѣетъ копыто раздвоенное, признакъ общій всѣмъ жвачнымъ.

Отъ затылка до холки тянется небольшая грива.

Хвостъ похожъ на коровій, съ большою кистию черныхъ волосъ на концѣ.

Довольно толстая кожа Жираффы покрыта короткою шерстью; она сверху изъ-сѣра желтоватаго цвѣта и испещрена желто-бурыми треугольными и четырехугольными, всегда неправильными, пятнами; снизу и на внутренней сторонѣ членовъ шерсть чисто бѣлая. У молодыхъ пятна свѣтлѣе.

Но довольно о наружности Жираффы: стоитъ взглянуть на приложенную къ этому номеру таблицу, и читатель больше узнаетъ, нежели изъ самаго подробнаго описанія наружнаго вида этого животнаго.

Верхнихъ рѣзцовъ и клыковъ Жираффа не имѣетъ. Всѣ зубы (ихъ 32) очень похожи на зубы лося, но гораздо шире зубовъ послѣдняго. Желудокъ, какъ и у всѣхъ жвачныхъ, сложный и пищевые пути очень длинны. Въ дикомъ состояніи главною пищею служатъ Жирафамъ листья мимозъ и другихъ деревьевъ. Высокій ростъ даетъ имъ возможность обгладывать верхніе сучья деревьевъ, но при этомъ Жирафъ все-таки нужно было какое нибудь орудіе хватанія, что нибудь въ родѣ хобота слона, верхней губы носорога—это орудіе состоитъ въ длинномъ, гибкомъ, мясистомъ, растяжимомъ, почти цилиндрическомъ и шероватомъ языкѣ, темно-краснаго цвѣта. Жираффы очень ловко обрываютъ вѣтви языкомъ, и при принятии пищи онѣ не употребляютъ губъ, а тѣмъ же языкомъ вкладываютъ пищу въ пасть. Обыкновенно эти животныя пережевываютъ пищу ночью, причемъ они почти всегда жуютъ траву, но уже не глотаютъ ея. Миѣние, что Жираффы для того, чтобы щипать траву (до которой онѣ впрочемъ небольшія охотницы), или чтобы пить, становятся на колѣни, совершенно несправедливо, но правда, что онѣ при этомъ широко разставляютъ переднія ноги; то же самое дѣлаетъ и наша лось.

Пьютъ Жираффы очень странно: онѣ растягиваютъ верхнюю губу по поверхности воды, и сильно втягиваютъ питье въ пасть, а потомъ большую часть глотаютъ, а нѣсколько выбрасываютъ назадъ.

Какъ и верблюды, Жираффы отдыхаютъ, стоя на ко-

съ природы Гилльсомъ, третьяго рога не слѣдано, вѣроятно, потому, что Жираффа, служившая оригиналомъ, имѣла этотъ наростъ только въ зачаточномъ состояніи.

лбняхъ. Походка этихъ звѣрей иноходь, что отчасти видно изъ постановки тельца на нашей таблѣцѣ. Движенія Жирафѣ вообще живы, довольно ловки, но лишены изящества. Бѣгаютъ онѣ всегда галопомъ,—это особенно выставляетъ Лихтенштейнъ противъ указанія Левалльена. Дѣйствительно, всѣмъ животнымъ, у которыхъ переднія ноги или гораздо длиннѣе, или гораздо короче заднихъ, бѣгать рысью невозможно; при мѣрвѣ искать не долго: заяць, тушканчикъ, кенгуру и пр. Въ породахъ лошадей, предназначенныхъ къ скачкѣ, напр. Английскихъ, несоразмѣрность переднихъ членовъ съ задними уже развита. Галопъ Жирафѣ кажется медленнымъ и вовсе не красивъ: постоянное качаніе, какъ маятника, всей шеи животного, взадъ и впередъ, для поддержанія равновѣсія, совершенно безобразитъ скокъ Жирафѣ. Но это животное скачетъ очень скоро, такъ, что не совсѣмъ легко догнать его даже на рѣзвой лошади; понятно, что ему помогаетъ длина скачка, соразмѣрна длинѣ нога.

Чтобы закончить, мы повторимъ слова Зальца: «Жирафа въ своихъ формахъ не имѣетъ ничего красиваго, ничего изящнаго. Короткое туловище, высокія, близко другъ отъ друга стояція, ноги, необыкновенно длинная шея, наклоненная спина, дурно закругленный задъ, длинный голый хвостъ—все это плохо вѣжется вмѣстѣ. Она какъ будто бы дурно посажена, какъ будто бы съ трудомъ держится въ равновѣсіи на своихъ ногахъ; и однако же при видѣ этого животного, на столько оно поражаетъ васъ удивленіемъ, что оно *безотчетно* покажется вамъ прекраснымъ. *Безотчетно* можетъ быть потому, что Жирафа необыкновенна, и формы ея совершенно не подходятъ къ формамъ намъ извѣстныхъ животныхъ». На нашъ же вкусъ изогнутая шея и верхняя линія Жирафѣ, какъ она изображена на таблѣцѣ, рѣшительно изящны.

Жирафы никогда не живутъ въ пустыняхъ, не любятъ также обильныхъ пажитей, а держатся въ опушкахъ лѣсовъ, окружающихъ пескомъ покрытыя пространства. Такихъ мѣстностей въ высокой Африкѣ не мало, особенно ихъ много въ Абиссиніи, въ Кордофанѣ и на югѣ, близъ мыса Доброй Надежды.

Въ началѣ статьи мы сказали, что тѣлоустройство Жирафѣ, какъ нельзя болѣе, въ ладу съ мѣстными условіями. Еще разъ попросимъ читателя взглянуть на рисунокъ, и ясно станетъ, что безъ огромнаго роста не могла бы жить Жирафа. Почва голая, нѣтъ на ней пищи, а чтобы доставать деревья, глотать листья мимозъ¹⁾ необходимы длинныя ноги, и соразмѣрно имъ (какъ и во всѣхъ звѣряхъ и птицахъ) долгая шея.

Въ такихъ мѣстностяхъ Жирафѣ живутъ неболь-

шими стадами (можетъ быть, семьями). Каждое стадо состоитъ изъ 6 или 7 особей, рѣдко отъ 12 до 15, только Харисъ однажды видѣлъ стадо изъ 32 Жирафѣ. Такая разниця въ количествѣ особей, вѣроятно, вызывается также мѣстными условіями, т. е. обиліемъ пищи.

Правомъ Жирафѣ тихи, и въ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ не тревожатъ, на столько смиренны, что близко подпускаютъ къ себѣ человека.

Три врага у Жирафѣ: зимніе дожди, сильныя хищныя звѣри, какъ левъ, леопардъ и пр., и человекъ.

Отъ дождей, какъ и всякаго другаго недовольства, животныя имѣютъ одну защиту—перекочевки. Относительно перекочевокъ Жирафѣ извѣстно только то, что въ Кордофанѣ съ наступленіемъ Іюня мѣсяца, т. е. дождливаго времени года, онѣ удаляются изъ этой области, и по мнѣнію жителей на очень далекое пространство къ сѣверо-западу, что очень понятно потому, что дожди тамъ приходятъ съ юго-востока. Жирафѣ возвращаются назадъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ, по окончаніи дождей и съ наступленіемъ обильнаго, прекраснаго и здороваго времени года.

Трудно защищаться Жирафамъ отъ льва и хищныхъ звѣрей; рога на столько малы, что не могутъ служить оружіемъ; переднія ноги лишны и онѣ ими отбиваются отъ нападающихъ, но рѣдко кошка нападаетъ не изподтишка, открытою силою, и по этому иногда Жирафа дѣлается добычею дикаго звѣря. Осторожность и быстрота бѣга—вотъ главное оружіе противъ хищника. Нерѣдко цѣлое стадо Жирафѣ вдругъ бросается и ищетъ спасенія въ бѣгствѣ; это бѣгство есть признакъ, что врагъ примѣченъ, и что онъ близокъ.

Человѣкъ охотится за Жирафами или для добычянія мяса и кожи, или ловить молодыхъ для продажи въ европейскіе звѣришцы. На Жирафу охотятся на лошадяхъ, и убиваютъ звѣря или пулею, или холоднымъ оружіемъ. Очень вкусное мясо этого животного служитъ здоровою пищею, а кожа составляетъ довольно выгодный предметъ для торговаго. Въ Сеннаарѣ выдѣлываютъ изъ кожи Жирафѣ ремни, замѣчательные по своей прочности и длинѣ: ихъ выкраиваютъ отъ затылка до оконечности заднихъ ногъ.

Вышесказанъ разсказъ Паллме¹⁾ о ловлѣ Жирафѣ, предназначенныхъ для звѣришцевъ:

«Кому угодно изловить Жирафу для звѣришца, тотъ долженъ прежде достать на это фирманъ или въ Канрѣ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, или отъ Кордофанскаго шейка; этотъ послѣдній, кромѣ того, даетъ особое приказаніе къ тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые постоянно занимаются этою охотою. Для охоты за Жирафой мало быть искуснымъ наѣздиномъ,

¹⁾ На занемъ планѣ табллицы представлена Жирафа, обрывающая листья съ дерева

¹⁾ I. Pallme. Beschreibung von Kordofan.

должно имѣть еще хорошо дресированную лошадь, и въ особенности обладать большою опытностію.»

«Обыкновенно два охотника верхами, имѣя при себѣ одного или двухъ верблюдовъ, навьюченныхъ съѣстными припасами и водою на нѣскольکو дней, отправляются въ ту часть пустыни, гдѣ навѣрно знаютъ, что есть Жирафы. Тамъ нужно умѣть распознавать по слѣду, когда животныя ходили — нынѣ ли, вчера ли, или уже давно; въ первомъ случаѣ, и именно если слѣды принадлежать молодому животному, тотчасъ начинають слѣдить его, и можно быть увѣрену, что въ скоромъ времени увидишь Жирафу. Въ такомъ случаѣ охота начинается; Жирафа, обыкновенно очень осторожная, бросается въ обѣсто и скачетъ съ немовѣрною быстротою. Тутъ охотникъ долженъ обскákatъ ее, и потому все зависитъ отъ быстроты лошади; но такъ какъ Жирафа никогда не бѣжитъ прямо, и, вѣроятно, съ испуга бросается то вправо, то влѣво, по этому пересѣчь ей дорогу и не такъ трудно. Всадникъ, подскакавши на возможно близкое разстояние къ молодому звѣрю, набрасываетъ ему на голову глухую петлю (аркантъ); рѣдко промахивается охотникъ, но если это и случится, то онъ по большой части имѣетъ возможность повторить тотъ же пріемъ. Конецъ аркана прикрѣпленъ къ сѣдельной лукѣ, и пойманное животное притягивается сколь возможно близко къ лошади. Хорошо пріученная лошадь должна, отчасти сопротивляясь, а отчасти поддаваясь безпрестанно прыгающей и порывающейся Жирафѣ, какъ можно скорѣе привести ее въ ближайшее мѣстечко. Здѣсь уже приготовлена верблюжья сажка: ея молокомъ питается пойманная Жирафа, пока не привыкнетъ къ травѣ и сѣну. Даже тогда, когда Жирафа подрастетъ, ей должно давать отъ времени до времени молока, если только хотять ее содержать хорошо.»

«Давши Жирафѣ отдохнуть, переводятъ ее въ Донголу; здѣсь уже начинается полная забота объ ея воспитаніи. На голову Жирафы надѣвають узду, къ которой привязываютъ четыре веревки; за концы этихъ веревокъ держатъ четверо мужичинъ, изъ нихъ двое идутъ впереди, а двое сзади животнаго¹⁾, и такимъ образомъ пріучаютъ Жирафу идти спокойно, что въ первое время стоитъ необыкновеннаго труда. Верблюдица должна постоянно тутъ находиться, чтобы доставлять нужное молоко. Въ Донголѣ живетъ молодая Жирафа довольно долго и здѣсь она исподоволь пріучается къ коровьему молоку и травѣ. Привлѣвъ въ соображеніе заботы, нужныя для сохраненія жизни пойманной Жирафы, высокая цѣна звѣря не покажется удивительною. Въ самоѣ Египтѣ, на

пр. въ Каирѣ, за живой экземпляръ платять отъ 500 до 600 талеровъ.»

Къ описаннымъ въ этомъ разсказѣ трудностямъ ловить живыхъ Жирафъ, должно еще прибавить, что часто пойманныя молодыя животныя вывихиваютъ себѣ шею отъ страшныхъ усилій, которыя они употребляютъ для того, чтобы вырваться изъ аркана. Другая трудность — это сохраненіе Жирафъ отъ простуды, которая гибельна для этихъ животныхъ.

Всѣ привезенныя въ Европу Жирафы были изъ Кордофана и Сеннаара; слѣд., давнишній споръ путешественниковъ, о томъ, что Абиссинская Жирафа и Капская имѣютъ специфическое отличіе, и не могъ быть удовлетворительно рѣшенъ.

Самая замѣчательная изъ привезенныхъ въ Европу Жирафъ, есть, безспорно, присланная Королю Французскому Карлу X отъ Египетскаго паши, въ концѣ 1826 года. Она была поймана очень молодою къ югу отъ Сеннаара, на границахъ Абиссиніи, вмѣстѣ съ другою Жирафою. Обѣ были проданы сеннаарскому губернатору, который, продержавъ ихъ около трехъ мѣсяцевъ, послалъ ихъ пашѣ Египетскому. Жирафы прожили въ садахъ паши также три мѣсяца, послѣ чего онѣ были назначены для отвоза въ Европу: большая изъ нихъ во Францію, меньшая въ Англію. Первая прибыла въ Марсель на 2 году своего возраста и была въ это время 11 фут. вышнюю, вторая умерла не достигши Европы. Мы разсказали исторію этой Жирафы потому, что она первая сдѣлалася предметомъ точныхъ наблюденій и изслѣдовацій ученыхъ надъ привычками и организациею Жирафъ. Весь Парижъ стекался въ Ботанической садъ, чтобы любоваться или, лучше, удивляться необыкновенному звѣрю. Въ 1845 г. эта Жирафа умерла. Бленвиль занялся анатоміей, и по его волѣ были сдѣланы превосходные анатомическіе рисунки съ натуры. Эти, драгоцѣнные для Сравнительной Анатоміи, труды сохраняются въ бібліотекѣ Парижскаго Ботаническаго сада. До сихъ поръ въ этомъ саду находящаяся Жирафа была подарена знаменитымъ Клотъ-беемъ, главнымъ врачомъ въ Египтѣ. Онъ родомъ Французъ, и его бывшее отечество обязано ему множествомъ африканскихъ животныхъ, которыхъ онъ отъ времени до времени высылалъ во Францію.

Нельзя умолчать о 4-хъ Жирафахъ, жившихъ въ 1836 г. въ звѣринцѣ Лондонскаго Зоологическаго общества въ Регентъ-съ-паркѣ. Всѣ 4 были одинаковаго роста и одинакъ лѣтъ. Одна изъ нихъ была сажка, остальные три — самцы. Вотъ ихъ имена: Заида, Мабрукъ, Селимъ и Гуибъ-Аллахъ. Ихъ поймали въ пустыняхъ Кордофана, и онѣ были привезены въ Лондонъ Французомъ Тибо (Thibaud). Г. Шарфъ сдѣлалъ съ нихъ превосходный рисунокъ для сочиненія Ри-

¹⁾ Точно такъ вываживаютъ у насъ медвѣдей.

чарда Оуена (*Zoological garden*). На этомъ рисункѣ изображены всѣ 4 Жирафы, г. Тибо и три араба, бывшіе у него въ услуженіи.

Въ Апрѣль мѣсяцъ 1838 г. Заида показала первые признаки стельности. Ее окружили всѣми возможными заботами врачей-ветеринаровъ. Прошло долго времени, начинали уже сомнѣваться въ стельности Жирафы, наконецъ, черезъ 441 день, т. е. черезъ годъ и два съ половиною мѣсяца, Заида разрѣшилась отъ бремени. Теленокъ былъ самецъ. По прошествіи минуты онъ въ первый разъ вздохнулъ съ спазмодическимъ потрясеніемъ всего тѣла, чрезъ полчаса послѣ рожденія всталъ на ноги и, хотя покачиваясь, обошелъ вокругъ матери. Заида съ удивленіемъ посмотрѣла на своего теленка, и этотъ остался ей совершенно чуждымъ. Вслѣдствіе этого онъ вскорѣ сдѣлался болель и черезъ двѣ недѣли послѣ рожденія умеръ. Новорожденный теленокъ былъ слишкомъ 5 ф. вышнюю. Шея его была короче, сравнительно съ взрослою Жирафою и морда не такъ заострена.

Оуенъ и другіе ученые объяснили фактъ пренебреженія матери къ своему теленку слѣдующимъ образомъ: такъ какъ во всѣхъ невольныхъ, незнанныхъ дѣйствіяхъ, всѣ акты сдѣлываются, и предвидущіе вызываютъ послѣдующіе, то помощь врачей, уничтоживши первые, естественно уничтожила и послѣдніе, т. е. врачи, помогая рожденію, уничтожили связь матери съ своимъ теленкомъ.

И дѣйствительно, при второй стельности Заиды, врачи не принимали никакого участія, они не мѣшали естественному ходу дѣла, пожалуй, не помогали Жирафѣ. Въ 1841 г. Заида отелилась вновь самцемъ, и показала возможную привязанность къ теленку, который по этому окрѣпъ, и остался живымъ. Въроятно, сынъ Заиды живъ и теперь, по крайней мѣрѣ онъ жилъ въ 1851 г. Этотъ теленокъ черезъ недѣлю послѣ рожденія былъ слишкомъ 6 ф. вышнюю; и черезъ три недѣли онъ употреблялъ ту же пищу, которою кормилась мать, т. е. ѣлъ хлѣбныя зерна, кукурузу, морковь и траву. Въ это время жвачка у него была совершенно свободна.

Во II томѣ Записокъ Лондонскаго Зоологическаго общества, Ричардъ Оуенъ пояснилъ записку о вышнихъ и анатомическихъ особенностяхъ Жирафы, рожденной въ Европѣ. Къ этому, не находящемуся въ продажѣ, сочиненію приложенъ рисунокъ извѣстнаго живописца Роберта Гилльса (Hills). Вѣрная копія съ этого рисунка и составляетъ таблицу, приложенную къ этому номеру *Вѣстника*: на ней изображена Заида съ своимъ теленкомъ, черезъ одни сутки послѣ рожденія.

Въ заключеніе этой небольшой статьи скажемъ,

что третьяго года въ Петербургѣ показывались двѣ Жирафы, и что въ музеѣ Императорскаго Московскаго Университета сохраняется чучело молодой Жирафы, умершей лѣтъ 9 тому назадъ въ Москвѣ.

ГУСИНОЕ ОЗЕРО.)

(Продолженіе.)

Когда слухи объ этомъ дошли до владѣтеля, отца жены шестерыхъ братьевъ, онъ послалъ своихъ посланныхъ за знакомымъ ему старикомъ, который такъ искусно помогъ и вылѣчилъ его дочь. Заставъ его дома и схвативъ насильно, посадили его на лошадь и доставили прямо къ кровати больного. Тутъ отецъ послѣдняго объявилъ старику, что наградитъ его выше всякой мѣры, если онъ искусствомъ своимъ поможетъ больному — и велитъ заколотить палками, если тотъ умретъ.

Что тутъ было дѣлать глупому старику? Онъ попросилъ оторочки до утра, сказавъ что ему надобно подумать объ этой болѣзни.

Когда ночь хорошенько стемнѣла, онъ вздумалъ убѣжать; выбрался на дворъ потихоньку, но нашедъ всѣ выходы запертыми, рѣшился перелѣзть чрезъ коровью стойку, бывшую ниже другихъ строеній, но только что взобрался съ трудомъ на плохую крышу, сдѣланную изъ жердей и забросанную навозомъ, какъ провалился въ самую стойку между быковъ и коровъ. Въ то же время, въ открытую дверь вошли еще быкъ и корова, и, ударившись объ землю, сдѣлались одинъ мужчиною, другая женщиной. Они повели такой разговоръ:

«Когда ты меня избавишь отъ послѣдняго твоего мужа?»

— «Потерпи еще немного.»

— «Но вѣдь привезли того старика, который вылѣчилъ тебя; ну если онъ вылѣчитъ и твоего мужа?»

— Не бойся, пока у меня на рукѣ перстень, ему не выздоровѣть. За то лишь онъ надѣнетъ его на палецъ, то встанетъ бодръ и здоровъ.

— «Но тебя уже подозреваютъ.—Я боюсь что изведутъ и тебя.»

— «Не изведутъ. Для этого надобно разрубить меня на шестдесятъ кусковъ; призвать шестдесятъ кузнецовъ, развести огонь на шестидесяти горнахъ, бросить туда мое тѣло по кускамъ, раздуть шестидесятью мѣхами, и потомъ пепель развѣять по вѣтру.»

Переговоривъ такимъ образомъ, они оборотились снова въ быка и корову и ушли.

1) См. *Вѣстникъ*, № 24, стр. 378.

Обрадованный старик узнал дочь первого владѣтеля, которой онъ отыскалъ такъ счастливо перстень. Выбравшись изъ стойки, онъ тотчасъ велѣлъ о себѣ доложить владѣтелю, и когда его къ нему привели, онъ сказалъ, что иначе выдѣтъ не можетъ его сына, какъ доставъ хитростью или силой перстень съ руки его жены, которая злая колдунья и любить другаго такого же колдуна, и что вся бѣда съ шестью братьями отъ нея.

При этомъ извѣстїи владѣтель, давно подозрѣвавшїй въ дѣлахъ невѣстки что нибудь нечистое, велѣлъ просто отнять у нея перстень силою, а старикъ, получивъ его, до тѣхъ поръ не хотѣлъ изъ боязни употребить перстня, пока будетъ жива его хозяйка. Для этого, разрубили ее на шестьдесятъ кусковъ и заставили шестьдесятъ кузнецовъ съечь и развѣять ее пепель. Когда же, послѣ этой казни, старикъ надѣлъ перстень на палецъ большому, тотъ опамитовался, пришелъ въ силу и всталъ съ постели. Но первый вопросъ его былъ о женѣ. Когда же ему сказали, что жена избрана и сожжена по приказанїю лѣбаря, онъ пришелъ въ такую ярость, что, еслибъ не владѣтель отецъ, онъ убилъ бы старика. Со всѣмъ тѣмъ, онъ настоялъ, чтобы его выгнали вонъ, чтобы его не видѣть болѣе, не слышать его духу. Владѣтель не задумался исполнить волю любимаго сына, и старика вытолкали вшаей, голоднаго и битаго.

Идучи съ горестью домой, старикъ задумался, о людской неблагодарности. Какъ ему было показаться къ жень безъ всего, даже безъ свѣой собаки и свѣой лошади? Идти онъ, идти, и вдругъ вѣтеръ сталъ на него наносить дымъ, а вскорѣ за этимъ показался и палецъ¹⁾. Бѣгучи отъ этого непредвидѣннаго врага, онъ увидѣлъ змѣю висящую на сучкѣ дерева, подъ которое палецъ подходилъ уже близко. Видя что змѣя сгоритъ, онъ вздумалъ ее снять съ сучка; но ядовитое животное, только что онъ взялъ ее въ руки, разомъ

обвилось ему около шеи, и заговоривъ человѣческиимъ голосомъ, какъ онъ свѣлъ безпокоить ее сонъ, высунуло свое жало и хотѣло его зажалить²⁾. «Помилуй, говоритъ ей старикъ, за что ты хочешь убить меня, я же тебя хотѣлъ спасти отъ пожара; безъ меня ты бы давно изжарилась!» «Тебѣ никакой надобности до меня не было; я хотѣла погрѣться, и спать съ сучка я тебя не просила, а потому ты долженъ умереть.» Сдѣлавъ милость подожди: ну какъ же ты хочешь безъ суда и безъ всякой моей вины извести меня; по крайней мѣрѣ попросишь кого нибудь, чтобы расудилъ насъ: стою ли я смерти.» Змѣя, согласилась на это условїе: — вотъ, падается ить на встрѣчу собака. Старикъ, рассказывая ей свое горе, что змѣя вѣсто благодарности за ее спасенїе хочетъ умертвить его, и проситъ сказать свое мнѣнїе.

— «Благодарности итъ на свѣтѣ, отвѣчаетъ собака; надѣяться на нее не должно; вотъ я приведу въ прихѣръ мою жизнь. Я жила у человѣка пятнадцать лѣтъ; берегла его юрту отъ воровъ и звѣрей, и недавно еще выручила хозяина отъ волка, который чуть не заѣлъ его, и въ этой схваткѣ я потеряла всѣ свои силы и поломала всѣ зубы. Ну, думала я, хозяйнѣ вѣрно успокоитъ изъ благодарности мою старость; но онъ, видя что я уже стара и безсильна, пересталъ давать мнѣ даже помон, и какъ я все еще не отходила отъ юрты, то онъ сегодня столько билъ меня, что я должна была уйти сюда.» Съ этими словами собака уѣжала.

— «Вотъ виднѣ ли сказала змѣя, собака рѣшила дѣло въ мою пользу. Готовься!»

— «Ради Бурхана, умоляя ее старикъ, подожди еще кого нибудь; ты знаешь что у собаки и судъ собачїи!»

— Хорошо, сказала змѣя, даю тебѣ еще сроку; вонъ тѣнится конь, вѣрно онъ тебѣ то же скажетъ. «Въ самомъ дѣлѣ къ нимъ подошелъ старикъ конь, который такъ былъ худъ, что кости его были всѣ снаружи. Старикъ, повторилъ ему свою просьбу.»

«Не надѣйся ни на какую благодарности, сказалъ ему конь; вотъ тебѣ мой прихѣръ: я служилъ хозяйну вѣрой и правдою; возилъ его и близко, и далеко, избавляя его отъ многихъ бѣдъ, но рѣдко бывалъ сытъ, а больше битъ. Бывало поѣдетъ онъ *аркадаку*³⁾ къ сосѣдямъ, вереть за двадцать, привяжетъ меня усталого къ столбу передъ юртою; самъ плясуетъ сутки трое, а я стою себѣ голодный у столба; и вотъ нынѣшнее лѣто, выбилъ меня совсѣмъ изъ

¹⁾ Палами называются дѣсные пожары, часто случающїеся при лѣтнихъ засухахъ. Не только неосторожно разведенный въ лѣбу огонь распространяетъ пожаръ, но достаточно выбитъ изъ трубки пепель съ огнемъ, чтобы разутье вѣтромъ вскрыи зажгли траву и сухїе ея корешки, а отъ нихъ валежникъ и т. д. Осторожные охотники и наступки, разводя огонь, сгребаютъ въ него вѣсь около лежанки на сажень и болѣе соръ, вѣтки, хвою, шишки и прочее, и по нѣскольку разъ засыпаютъ землю загорающїеся корни дерева. Уходя, затапываютъ огонь, заливаютъ водою, ежени ест, или засыпаютъ землей, но отнюдь не разбрасываютъ головешекъ. Въ прежнее время, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь, весною выжигаютъ живнишки и покосы, гдѣ старая трава, или по адѣшнему *отюши*, слишкомъ густа и не позволяетъ пробиваться молодымъ всходамъ. При сухихъ веснахъ и это бываетъ причиною дѣсныхъ пожаровъ, не смотря на всѣ предосторожности.

²⁾ До сихъ поръ мало еще кто знаетъ, что змѣя жалитъ ни кусаетъ зубами. Обыкновенно называютъ жаломъ ея раздвоенный языкъ, который она ловитъ насѣкомыхъ. Художники даже представляютъ это жало въ видѣ копьяца.

³⁾ Итъ арку.

силъ. Видя, что я его возить уже не могу, онъ пустилъ меня въ поле, чтобы я отѣлся; я сначала и думалъ, что это по добротѣ, по потомъ подслушалъ какъ онъ говорилъ женѣ своей, что когда я буду посытнѣе къ осени, то онъ меня убьетъ чтобы съѣсть¹⁾. Вотъ теперь, я иду подальше; авось, онъ меня осенью не отыщетъ.» Сказавши это, конь пошелъ далѣе.

— «Ну теперь ты видишь, сказала змѣя, что и другой твоей судья осудилъ тебя. Готовься!»

— «Подожди еще немножко, дай попробовать до трехъ разъ счастья, помилуй ее старикъ, и какъ на ту пору подбѣжала къ нимъ лисица, то змѣя согласилась и на этотъ разъ сдѣлать уступку.

Лисицѣ также передалъ свое дѣло старикъ, прося ея праваго суда. Хитрая лиса, начала съ того, что обратясь къ змѣѣ спросила: согласна ли она на ея третейское рѣшеніе? и когда змѣя согласилась, то лиса велѣла ей отпустить старика шею и сойти на землю; когда же змѣя исполнила это, лисица, мигнула старика на близлежащую палку. Какъ этотъ ни былъ глупъ, однако бѣда придала ума, онъ догадался схватить палку и разомъ вышибъ духъ изъ змѣи.

— Ну доволенъ ли ты моимъ советомъ, спросила его лисица?

— «Очень доволенъ, отвѣчалъ старикъ, да и впрямь не премину имъ попользоваться.» Съ этимъ словомъ, онъ ударилъ лисицу по головѣ, такъ, что она тутъ же издохла, а онъ снявъ съ нея шкуру, отправился домой, разчитывая, что придетъ не съ пустыми руками, и что женѣ не за что будетъ его бранить, когда у ней будетъ добрый околышъ на шапку. Вотъ вездѣ на свѣтѣ, какая благодарность! и мнѣ скажутъ ли спасибо за сказку?...»

Въ этомъ случаѣ Цыденъ Бакланъчъ обманулся, потому, что начиная съ меня, всѣ, большой и малый, разнымъ образомъ выражали свою благодарность.

—

Къ Бакланъчу, кромѣ невѣстина поѣзда, собралось человѣкъ пять Бурятъ для разныхъ подѣлокъ; кому нуженъ былъ топоръ, кому ножъ, кому огниво. Утромъ, когда, кромѣ меня и этихъ Бурятъ, ни кого не оставалось, онъ принялся за работу. Во всемъ здѣшнемъ краѣ, отъ Верхнеудинска до Кяхты, по лѣвому берегу Селенги, нѣтъ кузнеца искуснѣе Бакланъча, зато работы у него полны руки, а домъ также какъ полная чаша. Жена его съ работницей, далеко заполночь доила коровъ и барановъ, потому, что однихъ дойныхъ коровъ было около 40 головъ.

Смотря на то, какъ Бакланъчъ ковалъ Буряту то-

поръ, я думалъ о сходствѣ этого топора со всѣми европейскими топорами, совершенно отличными отъ топоровъ русскихъ. Узенькой, не болѣе 2½ или 3 вершковъ шириною, *застежковой* (толстый къ обуху), на длинномъ прямомъ топорницѣ, онъ совершенно сходенъ съ тѣмъ топоромъ, который Французы называютъ *cognée* и употребляютъ для колотья дровъ. Здѣсь видная выгода на сторонѣ безсилія, которому помогаетъ длинный рычагъ топорнища, узкое лезвее, не столько захватывающее матерію и, наконецъ, клинообразное тѣло самаго топора. Напротивъ, Русскій не бережетъ своей силы: его топоръ имѣетъ коротенькое, кривое топорнище, онъ тонокъ, а лезвее у плотничнаго, или такъ называемаго галецкаго топора, шириной почти въ 6 вер. За то, онъ дѣлаетъ топоромъ все, на удивленіе иностранцевъ. Топоръ замѣняетъ ему и пилу и стругъ, клещи, молотокъ и даже ватерпасъ; топорнище его сдѣлано со смысломъ, это не простая березовая палка, воткнутая въ проушину топора; это хитрая кривая линія, которая кромѣ того что даетъ ловкость дѣйствию, такова, что если взять топоръ за кончикъ топорнища, то носокъ топорнища долженъ быть на одной отвѣсной линіи съ лезвеемъ. Обухъ топора наваренъ сталью для вбиванія гвоздей, а если понадобится вытащить гвоздь, то его ущемляютъ въ уголокъ язычка подъ топорнищемъ и самимъ топоромъ. Кромѣ того язычекъ этотъ служитъ и для того, чтобы топорнище крѣпче сидѣло въ проушинѣ, потому что онъ какъ будто служитъ ея продолженіемъ. Этого ничего нѣтъ у Бурятскаго топора. Употребляемый ими съ довольною ловкостью при постройкахъ немного шире и не такъ *застежковатъ*.

Извините за подробности; но я думаю, что иногда эти мелочи обрисовываютъ духъ народа.

Пока я собирался въ походъ, явились къ кузнецу трое всадниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ купецъ, очень знакомый мнѣ человѣкъ. Куда, какъ, за чѣмъ?—А вы почему здѣсь? были взаимные вопросы, и все это объяснилось тѣмъ, что П. ѣхалъ въ горы, посмотрѣть нѣтъ ли какихъ нибудь признаковъ золота. За тѣмъ, послѣдовало приглашеніе ѣхать туда вмѣстѣ. Ни что не могло лучше согласоваться съ моими бродячими намереніями. Итакъ, промысливъ себѣ и проводнику моему верховыхъ лошадей, мы въ пятеромъ отправились вверхъ, на р. Ахдру.

(Прод. слѣд.)

¹⁾ Буряты ѣдятъ лошадиное мясо.

С М Ъ С Ъ.

НОВАЯ ЭПИДЕМИЯ В РАСТИТЕЛЬНОМ ЦАРСТВЕ.

Слишком свежа еще в памяти всех страшная гроза, происшедшая над *картофелью*, гроза не совсем еще миновавшаяся. Свежь за картофелем своего рода болѣзнь поразила *виноградъ*. Теперь новая напасть. Нѣкто Г. *Базенъ* (Vazien) уведомилъ Парижскую Академію Наукъ, что болѣзнь поразила: *турецкіе бобы, салаты и дыни*; болѣзнь очень сходна съ тою, которой былъ подверженъ виноградъ; вотъ ея признаки: на листьяхъ начинаютъ появляться желтоватая пятна, и, когда число пятенъ и число пораженныхъ листьевъ съдѣлается довольно значительнымъ, растение вянетъ и наконецъ погибаетъ.

Г. *Базенъ* изслѣдовалъ причину этой болѣзни и нашелъ, что она происходитъ отъ безчисленнаго множества маленькихъ насѣкомыхъ. Насѣкомыя эти пожираютъ макоть (parenchyma) съ верхней поверхности листа и скрываются подъ нижнюю поверхность, покрывая всю ее своими испражнениями. Насѣкомыя мало того, что съѣдаютъ макоть листа, они отравляютъ (?) листь, дѣлаютъ его неспособнымъ выполнять свое назначеніе, т. е. быть дыхательнымъ органомъ; растение отъ этого, естественно, страдаетъ, и безъ всякаго сомнѣнія должно умереть, если усиленную растительностію не выгонитъ новая листья въ замѣтъ пораженныхъ.

Г. *Базенъ* слѣдующимъ образомъ увѣрился, что причиной болѣзни были насѣкомыя: въ стеклянныя трубочки, наполненныя свежими, совершенно здоровыми листьями, онъ послалъ нѣсколько насѣкомыхъ; спустя недолгое время насѣкомыя падали на листья и привели ихъ въ то же самое состояніе, въ какомъ находились листья, пораженные болѣзнію.

«Сколько можно судить по первому изслѣзованію, говорить Г. *Базенъ*, насѣкомое это принадлежитъ къ порядку *полужесткокрылыхъ* (Hemiptera), къ отряду *однородокрылыхъ* («Monoptera»), и подходитъ близко къ роду *клоповъ* (punaises).»

Вмѣстѣ съ запискою Г. *Базенъ* представилъ Академіи и самыхъ насѣкомыхъ, собранныхъ имъ на турецкихъ бобахъ, салатахъ и дыняхъ, росшихъ на грядкахъ и въ парникахъ. (Illustration. 1854. № 585. Mai 13). П. Алек.

ОТЪ ЧЕГО ПРОИЗОШЛИ НАЗВАНІЯ НѢКОТОРЫХЪ МОРЕЙ? Моря, омывающія разныя части материковъ, исконно носятъ названія означающія цвѣтъ, такъ *Черное море, Красное море* и пр. Ботаники нашли *водоросли* (Algae) микроскопическія, имѣющія разныя цвѣта, и эти цвѣта будто бы сообщаются самой водѣ морской; такимъ образомъ названіе морей происходитъ, по мнѣнію Ботаниковъ, отъ бѣгствительнаго цвѣта воды, зависающаго отъ преизбытка водорослей того или другаго цвѣта.

Г. *Паравей* (Paravey), не отрицая существованія такихъ водорослей, прямо отвергаетъ мнѣніе, что названія морей происходятъ отъ цвѣта воды, зависающаго отъ присутствія водорослей; для объясненія же этихъ названій онъ предлагаетъ мнѣніе чисто историческое; это мнѣніе, если нельзя принять за достовѣрное, то покрайней мѣрѣ, ему нельзя отказать въ остроуміи, и въ томъ вниманіи, котораго оно заслуживаетъ.

Вотъ главныя начала мнѣнія Г. *Паравея*:

«Я не знаю, говоритъ онъ, есть ли бѣлыя водоросли или бѣлая пыль въ Средиземномъ морѣ, которое на всемъ востокѣ известно подъ именемъ *Бѣлаго моря*. Я не выдалъ, чтобы черныя водоросли находились въ Понтѣ Эвксинскомъ, и не сдумаю, чтобы отъ нихъ произошло старинное названіе *Чернаго моря*. Персидскій заливъ у восточныхъ береговъ *Зеленымъ моремъ*; то же названіе *Зеленаго моря* (Ting-hay) носитъ часть океана около восточныхъ береговъ Китая, и, сколько мнѣ известно, въ этихъ моряхъ не найдено микроскопическихъ водорослей окрашенныхъ зеленымъ цвѣтомъ.»

Вотъ какъ даже Г. *Паравей* объясняетъ происхожденіе названій:

«Календарь Ю-Лингъ (Yue-ling), относящійся ко временамъ Александра (около 330 г. до Р. Х.), и сохранившійся въ Китаѣ, былъ составленъ не въ самомъ Китаѣ, а въ Ассиріи, странѣ центральной; этотъ календарь придаетъ сѣверу цвѣтъ черной, востоку—зеленый, югу—красный, западу—бѣлый, а для странъ центральныхъ назначаетъ цвѣтъ желтый или окраженный.»

«Даже и въ наше время въ восточныхъ городахъ Тонгъ-Кинга ворота, обращенныя на сѣверъ, окрашиваются черною краскою, на востокъ—зеленою, на югъ—красною, а на западъ—бѣлою, тогда какъ находящійся въ центрѣ дворецъ правителя, точно такъ, какъ и въ Китаѣ, покрывается глянцеванной черепицею желтаго цвѣта. Эта мнемоническая система названья употреблялась въ Азіи, у древнихъ Арабовъ и Халдеевъ.»

«Если стать близъ Пальмиры, какъ въ центрѣ, тогда вся Сирія будетъ страной центральной, слѣд. желтою; и, дѣйствительно, существенный смыслъ слова *Сирія*, есть желтый цвѣтъ, цвѣтъ воска; отсюда названіе *Ясартъ, Сиръ-Деръ*, или *желтая рыбка*; на сѣверъ отъ Сиріи будетъ Пентъ-Иксинскій, отсюда *Черное море* (т. е. сѣверное); на югъ Аравійскій заливъ, вотъ вамъ *Красное море* (или южное); на западъ Персидскій заливъ, у восточныхъ называемый *Зеленымъ моремъ*, на востокъ Средиземное море, которое у вѣсьхъ восточныхъ народовъ вѣдомо подъ именемъ *Бѣлаго моря*.»

По мнѣнію Г. *Паравея*, эта иероглифическая система названій изъ Сиріи и Ассиріи перешла въ Китай. Онъ полагаетъ, что Скныи, слыша эту систему въ отношеніи къ небольшимъ морямъ, распространили ее на океанъ.

«Ледовитый океанъ назывался *туманнымъ* или *Чернымъ моремъ*, океанъ на югъ отъ Индіи носилъ наименованіе *Еристремскаго*, т. е. *Краснаго моря*, на западъ лежащее Средиземное море сохранило названіе *Бѣлаго моря*; названіе *Зеленаго моря* въ, принадлежавшее первоначально Персидскому заливу, дано той части океана, которая омываетъ восточные берега Китая.»

«Каспійское море, море центральное, было *моремъ желтымъ*, омывающимъ Мидію, т. е. срединную страну. Пекинскій заливъ также назывался *Желтымъ моремъ*. (Illustration № 585. 1854 г.)

П. Алек.

Къ сему номеру приложена табл. № 45-й.

Печать дозволяется, Юня 16-го дня 1854 года. Ценсоръ М. Пожисневъ.